

DOI: 10.15643/libartrus-2019.6.1

О различении тождественных

© В. В. Ильин

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»
Россия, 132182 г. Москва, площадь Академика Курчатова, 1.

Email: vvilin@yandex.ru

В противовес выдвинутому Лейбницем принципу «тождество неразличимых» автор считает полезным обогатить философско-методологический тезаурус принципом «различение тождественных». В случае использования в рассуждениях отношений отделимости стандартно «равнообразное» самодифференцируется, что дает основание онтологической индивидуации тождественного, формирующей понимание экстенциональной избыточности предметной сферы. Последнее дополнительно стимулирует почву прогресса неклассических логик, преуспевающих в реконструкции параконсистентных, динамических, релевантных, многозначных, модальных, темпоральных контекстов. В решении предельной сверхзадачи дело заключается в развертывании специфической логической техники с реляционной, многоуровневой семантикой, адаптированной к экспозиции ситуаций в возможных мирах за счет выхода из реалиса в кондицалис, из фактива в контрфактив, из актуатива в посессив.

Ключевые слова: различение, отождествление, единое, многое, самоизменяющееся.

Общеизвестен тезис Лейбница (ТЛ) о тождестве неразличимых, эксплуатирующий сильнейшие абстракции отождествления, неразличения. Проводя уравнивание объектов по фиксируемым признакам, ТЛ актуализирует операцию подстановки: достаточно близкие состояния предметности равнообразны – взаимозаменяемы.

Апофеоз объективации ТЛ – статистика Максвелла-Больцмана, вводящая унитарный метод описания физических систем из большого числа элементов на базе онтологической деиндивидуации.

Между тем подобный идентифицирующий прием (унификация параметрического разнообразия) – никак и ничем не оправдан, – как подчеркивал полемизировавший с Лейбницем Кларк: если две вещи совершенно одинаковы, они все же не перестают быть двумя (отличными друг от друга) вещами [16, с. 458].

Аргумент Кларка обостряет необходимость дополнительной рефлексии отношения тождества, которое задается в такой специфической форме, что требует прояснения, как могут существовать различные его формы [20, с. 254].

Рассмотренное по фарватеру, отношение тождества *per se* реализуется в вариациях:

(1) $a = a$. Малоинформативная тавтология, эпистемологическое назначение которой – фундирование записи логических законов, поиска методов решения неразрешимых проблем (проблема разрешения).

(2) $a = b$. Смысловая опосредованность знаково-выразительных контекстов, фигур предметного опыта, намечая перспективу содержательных преобразований в фиксации связей, взыскует перевода (1) во (2) – более информативные квазитавтологии.

С аналитической точки зрения запись $a = a$ несет полезную, но тривиальную идею признаковой самоидентификации (конгруэнтности) вещи (онтологическая инвариантность; эпистемологическая эквивалентность данному себе самому), тогда как запись $a = b$ несет эвристичную идею уравнивания в сопоставлении данного с другим, вводит нетривиальные интенциональные дополнения.

Очевидно: отношение имени к предмету (значение, референт) в символической (знаковой) ситуации задано через смысл.

Смысловая подкладка отношения «имя – объект (денотат)» намечает магистраль замечательных мыслительных трансформаций, позволяя переводить идентификации « a равнообразно a » («Вечерняя звезда суть Вечерняя звезда») в идентификации « a равнообразно b » («Вечерняя звезда суть Утренняя звезда»).

Причина, по которой суждение «Вечерняя звезда суть Утренняя звезда» может нести в себе больше фактической информации, чем суждение «Вечерняя звезда суть Вечерняя звезда», при том, что референт используемых имен одинаков, заключается в том, что у данных языковых выражений разные смыслы; «утверждение тождества „Вечерняя звезда – это Утренняя звезда“ передает информацию о том, что один и тот же объект обладает разными признаками, определяемыми разными смыслами ...двух выражений» [17, с. 8].

Выразительный типаж $a = b$ – вариация смыслового (интенционального) приравнивания – обогащает трактовку темы «тождество» мотивом: равенство, совпадение признаков по денотативной общности – неравенство, несовпадение признаков по образно-репрезентативной общности. Онтологическая унификация в пакете с семантической индивидуацией (дифференцированность когнитивных полей словоформ «Утренняя звезда» – «Вечерняя звезда») – интригующий казус толкования тождества под фирмой квазитавтологиической вариации.

(3) $a \neq a$. Усиление намеченного (2) идейной подмены «понятия» тождества «суждением» тождества. В ряде (впрочем, многочисленных) случаев при необходимости концептуализировать поведение признаков (предметных) единств на фоне комбинирования концептом «ансамбль» адресуются к изолирующей идее «различение тождественных». Речь – об автономизации в кругу идентичного некоего специфичного, которое, с одной стороны, покрывается образом родственно-однотипного, с другой стороны, – не покрывается им.

Создается плацдарм для дальнейших гносеологических спецификаций «тождества» в терминах не нумерического, но ролевого своеобразия, – того, что одновременно воплощает черты параметрических универсалий (онтологизм) и уникалий (функционализм). Сошлемся на прецеденты версификации «особых» состояний, причастных топосам инкарнации «всеобщего» (тождественность), но и локусам инкарнации «частного» (нетождественность). Таковы обременяющие высокий научно-теоретический разум заботой уяснения их реального статуса выделенные компоненты многообразий, – входящие и невходящие в общую (примордиальную) организацию.

Для конкретизации мыслей оттолкнемся от репрезентативных познавательных ситуаций.

Космология. Руководствуемая постулатами ОТО космологическая теория (общие фридмановские модели Вселенной) допускает падение плотности (ρ) вещества со временем (t), что ставит головоломку начальной точки отсчета (исходного пункта расширения) с минимальным t и максимальным ρ .

Начальная – особая (!) – точка отсчета (и «запуска») расширения суть сингулярность, где вещество и поле пребывают в сверхплотном состоянии, не описываемом уравнениями поля [19, с. 612].

Обратим внимание на акт различения тождественных: он продиктован тактикой задания образа отправного начала координат (в виде «особой» точки) для сценографизации реальности. (Правда, по части указанного – сложности, вызванные неспособностью мысли тематизировать нерегуляризируемые сущности. В loco laudato возникает буквально обескураживающее затруднение: как удовлетворяющая рациональную способность ума техника мыслительной линеаризации ситуации с локальной сингулярностью и локальным «началом» времени корреспондирует интуитивному представлению бесконечно-безграничной материи в однородном и изотропном пространстве, – затруднение, в абрисе наличной науки разрешения не получающее).

Квантовая механика. Актуализирует взгляд на тождественность, мыслимую относительно предметов, а не понятий. [18, с. 249] С позиций информационного подхода два микрообъекта не различимы. На данном резоне в концептуальную раму квантовой физики в качестве базовой величины для фиксации состояний системы, нахождения средних значений ее параметров вводят ультраабстрактную волновую функцию.

Согласно статистической теории квантовых процессов $|\psi|^2$ равен вероятности некоторого события. Как видно, квантовая теория не занимается индивидуацией микрообъектов, комбинирует ψ как выражающей пребывание их в составе амплитуды вероятности.

Коль скоро речь идет о сближении микрочастиц с квантовыми состояниями, в фокусе рассмотрения оказываются не конкретные объекты, а «размытые» сущности в интервале неопределенности. О каком-то облигатном выполнении в такой ситуации ТЛ говорить не приходится. Дело обретает иной оборот при проведении признаковой атрибуции вне учета количества информации и заданных требований к точности указания [11, с. 216] в опоре на фиксацию онтологических моментов. На передний край здесь выдвигается принцип Паули, запрещающий двум или более тождественным (!?) частицам с полуцелым спином одновременно находиться в одном и том же состоянии. Равно как модельная картина ЭПР-парадокса, по которому одна частица, распавшись на две, стремительно удаляющиеся друг от друга и перекрывающие конфигурацию времениподобного интервала ($dl^2 \leq (cdt)^2$), сохраняет при этом «печатать прошлого», обеспечивает целостное сосуществование своим клонам: изменения одной производной влекут когерентные изменения другой.

В контексте нашего изложения (не касаясь головоломной темы возможности квантовой телепортации безотносительно к релятивистским эффектам переноса информации) правильно регистрировать своеобразное предметное расщепление – самодифференциацию атомных объектов с пролиферацией саморазличаемых тождественных.

(Иное наводит на мысль нелокального взаимодействия (ср.: теорема Белла): предположение, что две частицы расцениваются как «изолированные и независимые физические объекты только потому, что... движутся на большом расстоянии друг от друга, в корне ошибочно» [3, с. 55]).

Математика. Многообразно утрируя технику идентификации, формализации, алгоритмизации в качестве важнейшего объектообразующего фактора, в классическом виде использует выхолащивающие «различное», «различимое», «различаемое» принципы абстракции неразличимости, отождествления.

Избегая согласования своей деятельности с предпосылочным знанием о природе конструируемых объектов исследования, математика оценивает отрешенные возможности *sub specie aeternitatis* в гипотетических произвольно создаваемых по продуктивному воображению мирах. В таком курсе видения ставка на индивидуацию компонентов предметных сфер невозможна. Тем не менее и освоение умо-постигаемых трансцендентальных реалий востребует каких-то признаков детализаций.

Сюжетика «различение тождественных», как самый смысл, стиль ее разработки, оптимизируются уяснением субстанциальной и функциональной автономии слагаемых «единообразного». Взять континуум. Точки его – умственные идеалии. Каков их статус? Чистая эфемерность. Не имеющие ни протяженности, ни длительности, не размещенные ни в пространстве, ни во времени, лишенные признаков атрибутики (отсутствие характеристики, предикации), ассоциация эфемерностей генерализируется образом нерасчленимого многообразия, заданного «в себе», *ex sese*.

Неразличимые комплексы подобного многообразия не получают ни физического, ни функционального удостоверения, находя оправдание в отрешенных формулировках типа аксиом Архимеда, непрерывности, топологического пространства, изощренных понятий связности, отображения, предельного соотношения.

(И это – на фоне физической бессмысленности идеальных основоположений, нечувствительных к материальной предельности условий микропричинности).

С какого-то *jour-fixe*, однако, подступают проблемы. Скажем:

- 1) точка фиксируется координатами, но – как вводить координаты онтологического «ничто»;
- 2) если точки неразличимы, как из них образовывать ассоциацию точек, составлять многообразие; по ТЛ, тождественное – не сосредоточиваемое во многое, – оно одно! из чего тогда складывать многообразие, составлять множественность;
- 3) как располагать тождественное (самотождественное?) на упорядочивающей оси, в том числе принимая во внимание континуум-проблему: как, где, за чем – что следует и должно следовать.

Снятие озабоченностей стимулировало разработку неких регуляризирующих инструментов, принимающих во внимание субстанциальную и функциональную автономию частей в целом.

Извлекая максимальную пользу из используемого материала, отметим релевантность концентрируемых в базисе упорядочивающих соображений, – а именно:

- Вейерштрасса: всякое непустое ограниченное сверху числовое множество имеет (единственную) верхнюю грань;
- Дедекинда: всякое сечение в области действительных чисел имеет рубеж;
- Кантора: всякая стягивающаяся система отрезков $\{[a_n, b_n]\}$ числовой прямой имеет единственное число, принадлежащее всем отрезкам.

Как видно, роман «тождество», диверсифицируя героя «равнообразное», вводит уточняющее «различение тождественного» в виде «статусно розного» (различимого в различении), репрезентируемого «особыми» точками – предельными, граничными, накопления, полного накопления, плотности, разрежения, прикосновения, отделимости и т.д., обслуживающими упорядочение, установление отношений порядка.

(Ср.: пикантный, трудно тематизируемый казус с вероучительной «троицей»: Бог «отец – сын – святой дух», – интегральное триединство. «Отец» – статусно капитален – анцестральная форма двух иных форм; одномоментно – три формы святости благочинны и равночестны. Семантика формул «три в одном», «одно в трех» – не утраивание, но растривание – по троекратности, троичности, – внутреннего различия в тождественном троякой ипостасности, трех ликов единосвятости. Конфигурация «триединство» со-бытийна, целокупна, креативно соотносительна. Подбирая математический аналог сказанному, останавливаешься на «компактном связанном множестве» – топологическом пространстве, не представимом объединением отделенных друг от друга частей). В боге – одна сущность, три ипостаси. В континууме одна сущность, множество ипостасей.

Архетипические трансперсональные культурные коды. Внутреннюю тождественность человечества составляют правила эффективной, оптимальной, достижительной организации обмена деятельностью, пролонгации жизни, вершения истории. Их (правил) отчетливой генерализацией выступает цивилизационная идиома фундаментальных социальных констант (ФСК), абсорбирующих совершенные приемы отправления жизнепородительных процессов во всех регистрах межличностной коммуникации, интеракции [4, 5, 9].

ФСК намечают линию структурной сопряженности родового опыта по универсальной реализации в мироздании всечеловеческого назначения, призвания [7].

Учитывая естественную привязку императивов ФСК к национально-культурным месторазвитиям, обнаруживается характерная встройка общечеловеческой продуктивной каноники в императивы почвы. Так возникают технологии-апологии «национальных путей» в духе миссионерско-мессионерских чаяний. Налицо – различие тождественного за счет цивилизационного отлучения-разлучения.

Нечто сходное – в практическом поведенческом заявлении интеллекта, который сам по себе зависим от представления мыслей в языке общения – порождения и рецепции речи. Здесь сказываются разные коммуникативные стереотипы, генерирующие разные прецедентные тексты. Так, англичане почитают «приватность»; немцы – «пунктуальность»; французы – «умение жить» (*savoir vivre*) [10] и т.д. Так же – русские, иные, руководствующиеся имплицитно-ассоциативными, латентными значимостями, радикализирующими *et fumus partia e dulcis*.

Фреге, Куайн проблему экспликации «тождества» переносят в лингвосферу, предлагая устанавливать тождественность в пределах языковых оценок. У Куайна находим: «...утверждение тождества... состоит из неодинаковых единичных термов, которые соотносятся с одним и тем же объектом» [12, с. 89].

Дело не в термах; дело в миропонимании, поддерживающем и неподдерживающем тождество. Скажем: предикацию «пространственной пустоты» русский проводит в семантике «душа» – «ни души»; тогда как англичанин – в семантике «тело» – «nobody». *Si duofaciunt idem, non est idem* (Когда двое говорят одно и то же, это не одно и то же).

«Тождественность» – в абстрактном характере языка как второй сигнальной системы, вырастающей из первой сигнальной системы, – в удержании свойственных предкам примитивных биологических форм общения (эхолалия, ономотопея, невербальные контактоустановления, жестовость, имитационная фонация, экспрессии и т.п.) Последующее различие в тож-

дественном – семантизация и категоризация ситуаций с задействованием принятых в этнолингвистических сообществах специфических гинонимов, гиперонимов, техник дифференциации и генерализации содержания [6, 8].

Креативную почву развития философско-методологического творчества в нашем случае составляет понимание: формально строго тождественными пребывают лишь (самотождественные) тавтологии «а суть а», исключаящие – в пристальном рассмотрении – и использование отношения «равенство» (записи типа $a + a = 2a$; $a \cdot a = a^2$). Тожество и равенство сущностно – не синонимичны. Как подчеркивал Гельдер: в операции «равенство» «подставляется не тождественное на место тождественного, но различное на место различного...» [2, с. 9]. (Отсюда – и равенство имен – не есть равенство объектов имен: объект «4» символически представим под именами $2 + 2$; 2^2 ; $2!$; $\sqrt{16}$ и т.д.)

На практике перекрытие «самотождественности» означает (а) отождествление через невыявление различий, пренебрежение ими; (б) допущение онтологического двойничества – полных исторических, личностных дубликатов.

Эпизод (а) – общее место прерывания индивидуации с введением тождества как равенства относительно

- предикации – совпадаемость «а» с «б» по удостоверяемым теорией признакам (в границах – интервалах – концептуальных потенциалов отождествления);
- операционализации – совпадаемость «а» с «б» по удостоверяемым опытом признакам (в границах – интервалах – экспериментальных потенциалов отождествления).

Коль скоро *individuum ineffabile*, детализация его свойств не реализуема, купирование трудности (от вмешательства актуальной бесконечности) производится замыканием рассмотрения на пороги значений, разрешений приборов, точности фиксаций свидетельств, относительности к средствам выражения и наблюдения.

Отмеченное рельефно представлял себе Лейбниц, обосновывая ТЛ отсутствием способа «точного определения индивидуальности»: она «заключает в себе бесконечность, и только тот, кто в состоянии охватить ее, может обладать знанием принципа индивидуации» [13, с. 290–291].

Итак: панацея – конструктивизация. Там, где она не проходит, как в случае индивидуации точек прямой в использовании числовых последовательностей (изоморфия «точечной – числовой совокупности» не устанавливается, поскольку в «геометрическом континууме имеются точки, которые не допускают... арифметического или аналитического изображения» [14, с. 264]), накатывает шквал серьезных проблем (в том числе – антиномического порядка – сродни парадоксу Рашара) [15].

Эпизод (б) – субстанциальная автономия через тиражирование индивидов в обособленных, причинно несвязанных параллельных мирах, потенциально взаимодействующих во флуктуациях. Речь – о спорадических верификациях двойников (полных аналогов) ресурсами документаластики (исторические хроники), обыденности (реинкарнация, феномены *déjà vu*).

Способность устанавливать положительный смысл обсуждаемого (при лояльном отношении к «фактуре» и ее интерпретации (вариантам «снятия» ЭПР-парадокса моделями «неделимой целостности» (Бом); «несиловых взаимодействий» (Фок, Хааг); «связи на уровне ψ -функции» (Фейнман); «особой формы связей в зависимости от условий» (Александров); «детерминации будущим», «опережающих взаимодействий» (де Борегаар)) покоится на уяснении

принципиальной осуществимости инверсии времени; вложения мира в мир; небиологического – информационного – клонирования и т.п., что по всем меркам – на грани безумия.

Поставим вопрос ребром: если в силу ТЛ в нашем вселенском локале нет двух тождественных вещей (наличествует лишь самотождественность) и все-таки при равнообразности (до специальных установлений «особости» в различении) некоторых состояний они есть, с позиций оценки возможного (знание – концептуальная версификация возможных миров) правильно допустить потенцию « $a \sim b$ », где « b » – как « a » (« b » конгруирует « a » по всему горизонту специй, но способно менять «текстуру» при заходе в особые состояния).

Мир в котором « $a = \neq a$ » – странный. Однако не более, нежели мир Гераклита-Гегеля, отвергающий закон противоречия, мир Шредингера, отвергающий закон тождества. Это – не мир подстановочности, но мир статусности – функционально-ролевого саморазличения.

Как указывает М. Новоселов, утверждение $\exists x \exists y (\overline{x = y})$, недоказуемо в чистой первопорядковой логике с тождеством; [15, с. 117] одновременно недоказуемо в ней и его отрицание. Откуда следует независимость ТЛ, предопределяющая обоснованность иных репрезентаций индивидуации (по аналогии с аксиомой параллельности в евклидовой геометрии) в логических системах.

Сценарий 1: отрицание тождества ввиду самоизменения – подобие объектности с вариабельной онтологией.

Сценарий 2: диверсификация тождества ввиду саморазличения – подобие объектности с вариабельной топологией.

Обе версии единит платформа экстенциональной избыточности предметной сферы, включающая точную процедуру выделения составляющих через указание, отчленение.

С топологической точки зрения имеет место дискредитация определенности контуров типа Хаусдорфова пространства, каждые две точки которого отделены непересекающимися окрестностями; никакой внутренней замкнутости сегментов многообразия тут нет.

С гносеологической точки зрения имеет место реабилитация определенности контуров типа «становящегося» пространства (о котором «знания не бывает» [1, с. 327] – линия Парменида-Платона).

С логической точки зрения имеет место легализация определенности контуров в кильватере параконсистентных, динамических, релевантных, многозначных, модельных, темпоральных разработок.

Концептуальная сверхзадача – освоение интенциональных контекстов со специфической реляционной, многоуровневой семантикой возможных миров, адаптированной к экспозиции «трансмировых линий» за счет выхода из реалиса в кондициалис, из фактива в контрфактив, из актуатива в посессив.

Литература

1. Аристотель. Соч. М., 1976. Т. 1.
2. Гельдер О. Наглядное представление и мышление геометрии // *Новые идеи в математике*. СПб., 1914. Сб. 8.
3. Девис П. *Суперсила*. М., 1985.
4. Ильин В. В. *Философия истории*. М., 2003.
5. Ильин В. В. *Россия в сообществе мировых цивилизаций*. М., 2009.
6. Ильин В. В. *Теория познания. Герменевтическая методология. Архитектура понимания*. М., 2017.
7. Ильин В. В. *Теория познания. Критика инструментального разума. Speciosa Miracula: тотальный мировейник*. М., 2020.

8. Ильин В. В. *Теория познания. Симвоология. Теория символических форм*. М., 2013.
9. Ильин В. В. *Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках causa finalis*. М., 2016.
10. *Иная ментальность*. М., 2005.
11. Колмогоров А. Н. *Теория информации и теория алгоритмов*. М., 1987.
12. Куайн У. В. О. Слово и объект // *Новое в зарубежной лингвистике*. М., 1986.
13. Лейбниц Г. В. *Соч.* М., 1983. Т. 2.
14. Лузин Н. Н. *Соч.* М., 1958. Т. 2.
15. Новоселов М. М. *Абстракция в лабиринтах познания*. М., 2005.
16. Письма Кларка Лейбницу // Лейбниц Г. В. *Соч.* М., 1982. Т. 1.
17. Серл Дж. Р. Введение // *Философия языка*. М., 2004.
18. Фреге Г. *Логика и логическая семантика*. М., 2000.
19. Энштейн А. *Собрание научных трудов*. В 4 тт. М., 1966. Т. 2.
20. Frege G. *Grundgesetze der Arithmetik*. Hildesheim: Georg Olms, 1962. Bd. II.

Поступила в редакцию 05.11.2019 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2019.6.1

On the distinction of identical

© V. V. Ilyin

National research center "Kurchatov Institute"
1 Academician Kurchatov Square, 132182 Moscow, Russia.

Email: vvilin@yandex.ru

In contrast to the principle of "identity of the indistinguishable" put forward by Leibniz, the author considers it useful to enrich the philosophical and methodological thesaurus with the principle of "distinguishing the identical". In the case of using separability relations in reasoning, the standard "equidistant" self-differentiates, which gives rise to an ontological individuation of the identical, which forms an understanding of the extensional redundancy of the subject sphere. The latter further stimulates the progress of non-classical logics that succeed in reconstructing paraconsistent, dynamic, relevant, multi-valued, modal, temporal contents. The decision limit is to deploy specific logical technology with relational, multi-level semantics, adapted to expose situations in possible worlds, due to the exit from realis to conditioalis of factive in kontraktiv from actualitive in possessive.

Keywords: distinction, identification, one, many, self-changing.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V. On the distinction of identical // *Liberal Arts in Russia*. 2019. Vol. 8. No. 6. Pp. 381–389.

References

1. Aristotle. *Soch. [Works]*. Moscow, 1976. Vol. 1.
2. Hölder O. *Novye idei v matematike*. Saint Petersburg, 1914. Sb. 8.
3. Devis P. *Supersila [Superpower]*. Moscow, 1985.
4. Il'in V. V. *Filosofiya istorii [Philosophy of history]*. Moscow, 2003.
5. Il'in V. V. *Rossiya v soobshchestve mirovykh tsivilizatsii [Russia in the community of world civilizations]*. Moscow, 2009.
6. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Germenevticheskaya metodologiya. Arkhitektura ponimaniya [Theory of knowledge. Hermeneutic methodology. Architecture of understanding]*. Moscow, 2017.
7. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Kritika instrumental'nogo razuma. Speciosa Miracula: total'nyi miroveinik [Theory of knowledge. Criticism of the instrumental mind. Speciosa Miracula: Total hive-world]*. Moscow, 2020.
8. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simvolicheskikh form [Theory of knowledge. Symbolology. Theory of symbolic forms]*. Moscow, 2013.
9. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Filosofiya kak opravdanie absolutov. V poiskakh causa finalis [Theory of knowledge. Philosophy as a justification for the absolutes. In search of causa finalis]*. Moscow, 2016.
10. *Inaya mental'nost' [Different mentality]*. Moscow, 2005.
11. Kolmogorov A. N. *Teoriya informatsii i teoriya algoritmov [Information theory and algorithm theory]*. Moscow, 1987.
12. Quine W. V. O. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Moscow, 1986.
13. Leibniz G. W. *Soch. [Works]* Moscow, 1983. Vol. 2.
14. Luzin N. N. *Soch. [Works]*. Moscow, 1958. Vol. 2.
15. Novoselov M. M. *Abstraktsiya v labirintakh poznaniya [Abstraction in the labyrinths of knowledge]*. Moscow, 2005.
16. Leibniz G. W. *Soch.* Moscow, 1982. Vol. 1.
17. Searle J. R. *Filosofiya yazyka*. Moscow, 2004.
18. Frege G. *Logika i logicheskaya semantika [Logic and logical semantics]*. Moscow, 2000.
19. Einstein A. *Sobranie nauchnykh trudov. V 4 tt. [Collection of scientific works. In 4 volumes]*. Moscow, 1966. Vol. 2.
20. Frege G. *Grundgesetze der Arithmetik*. Hildesheim: Georg Olms, 1962. Bd. II.

Received 05.11.2019.